

В. П. Даниленко (Иркутск)

**МЕМУАР О СУБЪЕКТО- И ПРЕДИКАТОЦЕНТРИЗМЕ
ВО ФРАЗООБРАЗОВАНИИ¹**

В настоящей статье автор рассматривает теории субъекто- и предикатоцентризма, говоря о необходимости и правомерности их гармоничного сочетания в рамках грамматики, ориентирующейся на потребности говорящего. Достижение этой цели видится в обращении ономаσιологической грамматики к периодизации речевой деятельности.

The article looks at the necessity of harmonious combination of subject-centred and predicate-centred theories in communication-oriented grammar, which in his opinion should focus on dividing sentence-formation into periods.

О соотношении субъектоцентризма и предикатоцентризма в грамматике я писал на английском языке ещё в 1988 г. в журнале PHILOLOGICA PRAGENSIS [Danilenko 1988]. Отзыв на указанную статью был написан главным хранителем традиций Пражского лингвистического кружка – Йозефом Вахком. В самом начале он писал: *«Přiznavám, že rkp, který mi byl zaslán k posouzení redakci PhPg, jsem přičeti (po několikátýdenním opětném studiu) se smíšenými pocity. Základní potíž je asi v tom, že autor přistupuje ke své klassifikaci syntaktických teorií na 'subjektocentrické' a 'predikátocentrické' (a ovšem i k zařadění Tesnière do druhé a Mathesia do první z těchto skupin) sub specie kategorií vzatých z formálního rozboru větného (Признаю, что рукопись, которая была прислана мне для отзыва редакцией PhPg, я прочитал (после неоднократного её изучения в течение нескольких дней) со смешанными чувствами. Основная трудность, по-видимому, состоит в том, что автор подходит к своей классификации синтаксических теорий на «субъектоцентрические» и «предикатоцентрические» (относя, разумеется, Теньера к последним, а Матезиуса – к первым) с точки зрения категорий, взятых из формального анализа предложения)».*

Упрёк, высказанный мне Й. Вахком, я и сейчас не могу признать справедливым, поскольку мой анализ субъектоцентризма и предикатоцентризма у В. Матезиуса и Л. Теньера в

¹ Слово «мемуар» я употребляю здесь в необычном смысле – имея под ним в виду воспоминание об одном из эпизодов моей жизни.

указанной статье вовсе не был произведён «с формальной» точки зрения. Он был произведён с *ономасиологической* точки зрения, которую В. Матезиус называл «функциональной». Кроме того, в этой статье я стремился показать, что В. Матезиус был близок к совмещению в рамках своей грамматической теории предикатоцентризма и субъектоцентризма, а вовсе не был «чистым» субъектоцентристом. «Чистым» предикатоцентристом был Л. Теньер, а «чистым» субъектоцентристом – К. Сунден.

Цель моей статьи как раз в том и состояла, чтобы показать односторонность как «чистого» предикатоцентризма в грамматике, идущего ещё от Й. Майнера (XVIII в.), но получившего широкую популярность во второй половине XX в. благодаря Л. Теньеру, так и «чистого» субъектоцентризма, идущего ещё от Томаса Эрфуртского (XIV в.) и ставшего достоянием традиционной грамматики.

В некоторых грамматиках XVIII-XIX веков (например, у Й. Аделунга и К. Беккера) присутствуют как предикатоцентризм, так и субъектоцентризм, однако в подобных грамматиках они оказались в отношениях дурного противоречия: в одном месте в них говорится о том, что подлежащее зависит от сказуемого, а в другом – наоборот. В подобном противоречии предикатоцентризм и субъектоцентризм в грамматической науке находятся до сих пор, хотя методологический путь к его преодолению был намечен ещё В. Матезиусом. Не снимает противоречия, о котором идёт речь, и термин «координация», который был введён в последнюю академическую грамматику русского языка для указания на взаимозависимый характер отношений между подлежащим и сказуемым, поскольку этот характер обрисовывается в ней не в динамически-деятельностном плане, а в статически-системном.

Настало время, чтобы обосновать, наконец, необходимость гармонического сочетания предикатоцентризма и субъектоцентризма в пределах одной и той же теории ономасиологической грамматики – грамматики, сориентированной на коммуникативные потребности говорящего. Данная цель может быть достигнута, если системообразующее начало ономасиологической грамматики мы научимся видеть в периодизации речевой деятельности говорящего, направленной на создание нового предложения. Назовём эту деятельность фразообразованием.

Отзыв Й. Вахка на статью, о которой идёт речь, в целом одобрительный, содержал ещё и такое замечание: «...*rozdííl Mathesius – Tesnière prostě nelze redukovat na formuli ‘predikatocentrismu vs. subjektocentrismu’* (...разницу между Матезиусом и Теньером просто нельзя сводить к формуле «предикатоцентризм vs. субъектоцентризм»)». Но я и не сводил разницу между ними к указанной формуле. В этой статье я лишь обратил внимание на разницу между Л. Теньером и В. Матезиусом только в одной области грамматики – связанной с интерпретацией иерархических отношений между членами предложения в процессе его создания говорящим. Не больше и не меньше.

Существует, как известно, две теории, объясняющих природу иерархических отношений в предложении, – субъектоцентрическая и предикатоцентрическая. Если в первой из этих теорий центральная роль в организации предложения отводится грамматическому субъекту (подлежащему), то во второй эта роль признаётся за грамматическим предикатом (сказуемым). Поскольку в функции сказуемого обычно употребляется финитный глагол, то предикатоцентрическую теорию называют также «вербоцентрической». Если субъектоцентрическую теорию предложения считают традиционной, то предикатоцентрическую обычно оценивают как относительно новую.

Люсьен Теньер (1893-1954) – глава современного «чистого» (тотального, абсолютистского) предикатоцентризма в грамматике, но у него были предшественники ещё в XVIII и XIX вв. – Й. Майнер и А. А. Дмитриевский.

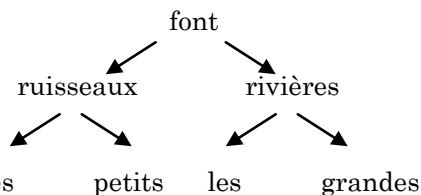
Йоганн Майнер – первый немецкий ученый, создавший оригинальную универсальную грамматику. Это произошло в 1781 г. Задолго до Л. Теньера он стал рассматривать предикат предложения в качестве его организующего центра. «Предикат, – писал он, – самая производящая часть предложения, поскольку из него развивается предложение в целом» (Meiner 1781: 127). «Развивающую» роль предиката в предложении Й. Майнер, как и Л. Теньер, связывал с валентными свойствами глагола, выступающего в предложении в функции предиката. Моновалентные глаголы он называл «односторонне несамостоятельными». Они развивают предложение только за счёт субъекта (*sitzen* «сидеть», *stehen* «стоять» и т. п.). Двухвалентные глаголы он называл «двусторонне несамостоятельны-

ми». Они развивают предложение за счёт субъекта и дополнения (*setzen* «ставить», *legen* «класть» и т. п.). Й. Майнер выделял и трехвалентные глаголы. К ним он относил, например, глагол *beschuldigen* «обвинять». Он требует трех партиципантов: *A beschuldiget B des Diebstahls* «А обвиняет Б в воровстве (А – 1-ый партиципант, Б – 2-ой и воровство – 3-ий). О грамматике Й. Майнера см. подр. в (Даниленко 1990: 210-211).

В «ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАМЕТКАХ О РУССКОМ СИНТАКСИСЕ», опубликованных в журнале «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ», А. А. Дмитриевский – со свойственным ему пафосом – объявил сказуемое единственным главным членом предложения. Он писал: «Сказуемое есть неограниченный властитель, царь предложения: если есть в предложении, кроме него, другие члены, они строго ему подчинены и от него только получают свой смысл и значение; если нет их, даже подлежащего, сказуемое само собой достаточно выражает мысль и составляет целое предложение» (Дмитриевский 1877: 23).

А как быть с подлежащим? Оно объявляется одним из дополнений: «Итак, подлежащее, по нашему твёрдому убеждению, должно быть включено в состав дополнения как один из его видов» (Дмитриевский 1878: 64). И далее он уточняет: «... дополнение есть такой придаточный член (слово или предложение), который доказывает или пополняет мысль по вопросам падежей: кто? что? кого? чего? кому? чему? кого? что? кем? чем? о ком? о чем? Дополнение, отвечающее на вопрос *им. п.*, называется подлежащим, – на вопрос *вин. п.* без предлога – прямым, – на вопросы прочих падежей – косвенным» (Там же).

Развитие вербоцентрической теории фразообразования в XX в. связано с теорией стеммы предложения, разработанной Л. Теньером. «Стеммой» он называл такое состояние создаваемого предложения, которое предшествует его «линейному порядку». «Конструировать или устанавливать стемму фразы – это значит преобразовывать линейный порядок в структурный, – писал Л. Теньер. – Возьмем, например, фразу *Les petits ruisseaux font les grandes rivières* «Маленькие ручьи становятся большими реками»; если я трансформирую линейный порядок в структурный, то получу стемму:

... говорить на языке – значит преобразовывать структурный порядок (стемму предложения – В.Д.) в линейный порядок, и, наоборот, понимать язык – значит преобразовывать линейный порядок в структурный» (Tesnière 1965: 19). В качестве грамматического центра предложения, взятого в его стемматическом состоянии, у Л. Теньера выступает предикатный глагол. Французский ученый полагал, что в описываемой ситуации говорящий выделяет в первую очередь действие (процесс). Отсюда делался вывод о центральной роли глагола в процессе стеммообразования. «Глагольный узел – писал Л. Теньер, – выражает маленькую драму. Как и в настоящей драме, он обязательно означает действие, связанное, как и полагается, с актёрами и декорациями» (Tesnière 1965: 102).

Вилем Матезиус (1882-1945) не употреблял термина «стемма». Но он пользовался понятием, которое обозначает этот термин. К интерпретации этого понятия он подходил по преимуществу с субъектоцентрической точки зрения. Предикатоцентризм в его концепции менее эксплицирован, чем субъектоцентризм. В конечном счете, он полагал, что к описываемой ситуации в процессе фразообразования говорящий подходит субъективно. Он может поставить в центр своего внимания не только «действие», но также «актёров» и «декорации». Каждый из этих элементов действительности может послужить для говорящего основой грамматического субъекта.

На примере теорий Л. Теньера и В. Матезиуса мы видим, казалось бы, непримиримость субъектоцентрической и предикатоцентрической теорий фразообразования. Отношения между ними, вместе с тем, не столь однозначны, как может показаться с первого взгляда. Если в функциональном разделе синтаксиса у В. Матезиуса центральная роль в организации предложения отводится подлежащему, то в его структурном разделе эта роль усматривается за сказуемым. Нет ли здесь противоречия? На этот вопрос можно ответить лишь в том слу-

чае, если мы будем принимать во внимание те методологические установки, из которых В. Матезиус исходил при построении своей «функциональной грамматики» в целом.

Как мне уже приходилось отмечать (Даниленко 1986: 62-66; 120-128), на ведущее положение в грамматике В. Матезиуса выдвинут ономаσιологический подход. Формулу этого подхода можно обозначить следующим образом: **ВНЕЯЗЫКОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ** → **ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА/ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА** → **РЕЧЬ**. Ономаσιологическая грамматика исходит из потребностей говорящего, начинающего свою деятельность с некоторого внеязыкового содержания, которое он переводит в языковую форму. Этот этап речевой деятельности говорящего лежит в основе структурного аспекта ономаσιологической грамматики. Функциональный аспект ономаσιологической грамматики отражает следующий этап речевой деятельности говорящего. Он связан с переводом языковых единиц, выбранных говорящим из языковой системы, в речевые. В основе семасиологической грамматики лежат обратные переходы: **РЕЧЬ** → **ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА** (структурный аспект семасиологической грамматики) / **ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА** → **ВНЕЯЗЫКОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ** (функциональный аспект семасиологической грамматики). Об истории ономаσιологического направления в грамматике см. подр. в (Даниленко 1988: 108-131; 1990; 2002: 107-133).

В грамматике В. Матезиуса представлены структурные и функциональные аспекты как семасиологической, так и ономаσιологической грамматики, однако доминирующее место в ней принадлежит исследованию структурного и функционального аспектов ономаσιологической грамматики. Первый из этих аспектов связан с систематизацией содержательных языковых структур, а второй – с изучением их функционирования в деятельности говорящего. Своеобразие содержательных структур языка состоит в том, что они содержат в своем составе несколько формальных структур. Так, в области морфологии мы имеем дело с содержательными структурами, когда речь идёт о субстантивации, адъективации, вербализации и т.д. Субстанция, например, может обозначаться не только с помощью существительных, в своей совокупности составляющих одну из формальных структур языка, но и с помощью слов, принадлежащих к другим частям речи, а стало быть, относящихся к другим формальным структурам языка. С категорией

субстанции в конечном счёте соотносится не одна формальная языковая структура, включающая существительные, но и множество других (прилагательные, глаголы, наречия и т.д.). Большая протяженность содержательных структур языка по сравнению с формальными объясняется тем, что в структурах первого типа критерии содержательного сходства между классифицируемыми единицами занимают ведущее положение по отношению к формальным критериям.

Предикатоцентризм в грамматике В.Матезиуса представлен в скрытом виде. Чтобы его обнаружить, мы можем сравнить классификацию предложений у В. Матезиуса (Mathesius 1961) и у К. Сундена (Sunden 1916). Если у последнего организующая роль в акте создания предложения отводится только подлежащему, то у В.Матезиуса эта роль первоначально – в структурном разделе его синтаксиса – отводится сказуемому, а лишь затем – в функциональном разделе его синтаксиса – подлежащему. Отсюда следует вывод о наличии в грамматике В. Матезиуса не только субъектоцентризма, но и предикатоцентризма. Отсюда следует также и вывод о правомерности гармонического сочетания предикатоцентризма и субъектоцентризма в рамках одной и той же грамматической теории. К такому сочетанию некоторые грамматисты стремились ещё в XIX в.

Так, Ф. И. Буслаев в своей «ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» (1858) предпринял попытку соединения предикатоцентризма с субъектоцентризмом, исходя из логической интерпретации первого и грамматической интерпретации второго. «Основной член предложения, – писал он, – есть сказуемое» (Буслаев 1959: 258). Почему? Потому, – отвечает ученый, – что «вся сила суждения содержится в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения» (Буслаев 1959: 271). Ф. И. Буслаев, таким образом, возвышал сказуемое над подлежащим, исходя из логической точки зрения. А как он смотрел на иерархию главных членов предложения с грамматической точки зрения? В грамматическом отношении он, наоборот, подлежащее возвышал над сказуемым, поскольку не мог не видеть зависимость последнего от первого по числу и лицу (Буслаев 1959: 270).

Мы можем увидеть у Ф. И. Буслаева предвосхищение той точки зрения на отношения между подлежащим и сказуемым,

которая предполагает гармоническое сочетание предикатоцентризма и субъектоцентризма в пределах одной и той же грамматики. К этой точке зрения был близок В. Матезиус. Развивая его идеи, я изложил данную точку зрения в общей части моей докторской монографии «ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ГРАММАТИКЕ» (Даниленко 1990). Исходя из этой точки зрения, мы признаём зависимость подлежащего от сказуемого на первой, лексической, стадии фразообразования, когда говорящий отбирает лексемы для создаваемого предложения, а вместе с ними и содержательный тип предложения, но – начиная со второй, морфологической, стадии, когда говорящий начинает переводить лексические формы слова в морфологические, – сказуемое перестает главенствовать над подлежащим, оно становится зависимым от подлежащего по роду, числу и лицу. Иначе говоря, сказуемое главенствует над подлежащим в лексическом отношении (Ф. И. Буслаев расценивал его как логическое), но в морфолого-синтаксическом отношении не сказуемое, а подлежащее господствует в предложении. К подобной точке зрения на иерархические отношения между главными членами предложения, очевидно, должен прийти любой, кто увидит в процессе построения предложения три основных периода – лексический, морфологический и синтаксический.

В лексический период создаваемого предложения мы имеем дело со сказуемым, ещё не оформленным морфологически. Вот почему его лучше всего назвать лексическим предикатом. Морфологизация лексического предиката происходит во второй – морфологический – период фразообразования. В этот период во главе стеммы предложения оказывается подлежащее. Но в первый – лексический – период фразообразования центральная роль в акте стеммообразования принадлежит лексическому предикату. Почему? Очевидно, потому, что он, как правило, обозначает действие, а оно выступает в описываемой ситуации в качестве связующего звена между агенсом и пациенсом. Не случайно поэтому, что у глаголов весьма яркими являются его валентные свойства. Так, глагол *читать* требует субъекта действия и его объекта (книгу, статью и т.д.), т. е. этот глагол бивалентен. Глагол *идти*, в свою очередь, – моновалентен, поскольку требует распространения лишь за счет обозначения субъекта действия. В русском языке имеются глаголы и с нулевой валентностью. Это безличные глаголы (*Моросит.*

Тошнит. и т.д.). Исходя из валентности глагола, мы можем выделить следующие основные типы исходных лексических стемм:

1. Моновалентный глагол → субстантив первого актанта (агенса).

2. Бивалентный глагол → субстантив первого актанта (агенса) + субстантив второго актанта (пациенса).

Первый тип исходной лексической стеммы лежит в основе предложений, в которых глагол обозначает безобъектный процесс (*стоять, слепнуть, спать* и т. п.), а существительное – первый актанта. Второй тип исходной лексической стеммы лежит в основе предложений, в которых глагол указывает на объектный процесс (*видеть, веселить, белить* и т. п.), а существительные – на первый и второй актанта. Развертывание исходных стемм осуществляется в дальнейшем за счет определений и обстоятельств. Первые зависят от существительных, а другие – от глаголов.

Выбор лексического предиката осуществляется говорящим ещё в первый – лексический – период фразообразования. Благодаря ему, говорящий имеет возможность выбора нескольких формальных типов предложения из одного содержательного. В морфологический период фразообразования он может обозначить производителя действия с помощью подлежащего и использовать активную форму глагола (*Рабочие строят дом*). Он может также обозначить производителя действия в акте морфологической номинации с помощью дополнения и использовать пассивную форму глагола (*Дом строится рабочими*).

В морфологический период фразообразования лексический предикат подвергается морфологизации. Степень его морфологизации в этот период времени является меньшей, чем степень морфологизации подлежащего. Вот почему в процессе морфологизации подлежащее исполняет роль управляющего члена предложения по отношению к сказуемому. Подлежащее возглавляет в дальнейшем стемму предложения в целом. От него зависит выбор согласовательных категорий рода, числа и падежа у прилагательного. От него же зависит и выбор согласовательных категорий предикатного глагола.

Деятельностный подход к соотношению предикатоцентризма и субъектоцентризма позволяет нам определить их место в

ономасиологической грамматике. Первый из них является правомерным по отношению к лексическому периоду фразообразования, а второй – по отношению к его морфологическому и синтаксическому периодам. Изменение данного соотношения между ними ведёт к ошибочной интерпретации процесса образования предложения. Тотальный субъектоцентризм не учитывает организующей роли лексического предиката в процессе выбора говорящим лексических единиц для создаваемого предложения и его содержательного типа. Тотальный предикатоцентризм в свою очередь не учитывает подвижного характера речевой деятельности говорящего в процессе создания нового предложения.

Если в лексический период фразообразования точка зрения говорящего направлена на центральное звено описываемой ситуации – действие, то в морфологический период фразообразования она может быть направлена не только на действие, но может переместиться и на любой другой элемент описываемой ситуации – агенс или пациенс. Как тот, так и другой могут выступить в создаваемом предложении в роли подлежащего. С этого момента подлежащее выступает в качестве иерархического центра предложения, который сохраняется в нём до завершения акта фразообразования – включая и его синтаксический период.

Таким образом, субъектоцентрическая и предикатоцентрическая теории фразообразования должны рассматриваться не как конкурирующие между собой, не как взаимоисключающие друг друга, а как дополняющие и сменяющие друг друга. Последняя из них верна в отношении к лексическому периоду фразообразования, когда говорящий отбирает лексические единицы для создаваемого предложения, а первая – в отношении к его морфологическому и синтаксическому периодам, когда он осуществляет морфологизацию лексических форм слова, перевода их в формы морфологические и синтаксические. См. об этом подр. (Даниленко 2003: 200-228; 272-287).

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.
2. Даниленко В.П. Ономасиологическая сущность концепции функциональной грамматики Вилема Матезиуса // Филологические науки. – 1986. – I.

3. Даниленко В.П. Лингвистическая характерология в концепции В.Матезиуса // Вопросы языкознания. – 1986. – №4.
4. Даниленко В.П. Ономазиологическое направление в истории грамматики // Вопросы языкознания. – 1988. – №3.
5. Даниленко В.П. Ономазиологическое направление в грамматике. – Иркутск, 1990.
6. Даниленко В.П. Ономазиологическое направление в истории русской грамматики // Номинация. Предикация. Коммуникация. Сборник статей к юбилею профессора Лии Матвеевны Ковалевой / Под ред. А.В.Кравченко. – Иркутск, 2002.
7. Даниленко В.П. Общее языкознание. Курс лекций. – 2-изд. – Иркутск, 2003.
8. Даниленко В.П. История русского языкознания. Курс лекций. – 2-е изд. – Иркутск, 2003.
9. Дмитриевский А.А. Практические заметки о русском синтаксисе // Филологические записки. – 1877. – Вып. 3. – 1878. – Вып. 2.
10. Danilenko V.P. On the Relation between Subject-Centred and Predicate-Centred Theories of Sentence-Forming (V.Mathesius and L.Tesnière) // *Philologica Pragensia*. – 1988. – №1.
11. Mathesius V. *Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistickém*. – Praha, 1961.
12. Meiner J.W. *Versuch einer an der menschlichen Sprache abgebildeten Vernunftlehre...* – Leipzig, 1781.
13. Sunden K. *The Predicational Categories in English*. – Uppsala, 1916.
14. Tesnière L. *Éléments de syntaxe structural*. – Paris, 1965.

Получено 28.01.2006 Иркутский государственный университет